

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ВТОРАЯ
НАТУРА

Часть сборника: Такова жизнь (сборник)

Мария Метлицкая

Вторая натура

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

Вторая натура / М. Метлицкая — «Эксмо»,

«Вставать с утра было всегда тяжело. Он просыпался и еще минут десять не открывал глаза, потом лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, — недолго. Покрякивая, спускал ноги с кровати и несколько минут так сидел. Затем осторожно поднимался, надевал тапки и, почти не отрывая ног от пола, шаркая и покашливая, медленно шел в туалет...»

Мария Метлицкая

Вторая натура

Вставать с утра было всегда тяжело. Он просыпался и еще минут десять не открывал глаза, потом лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, – недолго. Покрякивая, спускал ноги с кровати и несколько минут так сидел. Затем осторожно поднимался, надевал тапки и, почти не отрывая ног от пола, шаркая и покашливая, медленно шел в туалет.

Жена обычно кричала с кухни:

– Не шаркай! Поднимай ноги!

В ванной он долго разглядывал себя в зеркале, мямлил заросшие седоватой щетиной щеки, оттягивал нижнее веко, вертел головой, потом в одних трусах шел на кухню.

– Надень брюки, – привычно сердилась жена. Она жарила яичницу, на столе стояли хлеб, масло и сыр.

– Ну побрейся, в конце концов, – продолжала она ворчливо.

Он не отвечал и молча резал хлеб. Она вздыхала и ставила перед ним маленькую чугунную сковородку – яичницу он всегда ел прямо с горячей сковороды, привычка с юности. Он вообще был человек привычек, а к старости они стали неотъемлемыми свойствами характера. Что поделаешь, привычка – вторая натура. Жена села напротив с большой чашкой кофе. Она никогда не завтракала. Только пила черный кофе с лимоном – всю жизнь. Тоже привычка.

– Вера опять не в духе, – грустно сказала жена.

Он поднял на нее глаза и в который раз удивился: даже утром она была, как всегда, прибрана и причесана, с подкрашенными губами, в голубом бархатном домашнем костюме.

Его это удивляло. И охота ей? Господи, неужели для него старается? Прожевав, он сказал:

– А с чего это ей быть в духе? Лично я ее понимаю.

– Да, – вздохнула жена, – жизнелюбием она – увы! – пошла в тебя.

Дочь была их общей болью – старая дева. Было ей уже под сорок – сухая, замкнутая, раздражительная. И в детстве характер был не сахар, а с годами – что говорить. Вечером приходила с работы – мать все подавала, убирала. Та – ни «спасибо», ни «как дела». Молча вставала из-за стола и уходила к себе. Когда хотели к ней обратиться, то тихо и опасливо стучали в дверь ее комнаты.

– Надо разъезжаться, – настаивал он.

Господи, а как? В наличии была маленькая двушка, практически неделимая. Так и мучились. Дочери досталось все не по справедливости. Точная копия отца – худая, сутулая, с крупным носом и маленьким сухим ртом. В мужском варианте все это было вполне допустимо. Природа явно не расщедрилась, не кинув даже жалкой горстью малую часть материнской красоты, легкости и жизнелюбия. К домашнему устройству жизни она не имела ни малейшего отношения. Все это – стирка, глажка, готовка и закупка продуктов или любая другая помощь матери – ее абсолютно не касалось. Подруг у нее не было. В выходные вообще начинался суший ад – из своей комнаты она не выходила, отец и мать поочередно крутились у ее двери и робко стучали:

– Вера, поешь, выпей чаю!

Она могла и не ответить. По молодости ее еще пытались за кого-то посватать или просто познакомиться с кем-то, но все старания знакомых оказывались напрасными. А с годами рекламировать такой «подарок» было и вовсе нелепо. С одиночеством дочери они со временем смирились, все прекрасно понимая, ни на что не рассчитывая, но боль оставалась болью.

Он молча доел яичницу и тщательно хлебной коркой собрал масло со сковородки.

– Что ты делаешь, ведь самый вред! – возмутилась жена.

– Нам уже все вред, – вздохнул он. – Одним вредом меньше, одним больше. – Он откинулся на стул, забросил ногу на ногу и закурил.

Жена собрала со стола посуду и встала к мойке к нему спиной.

Через плечо небрежно бросила:

– Да, кстати, не волнуйся, завтра я ложусь в больницу.

У него екнуло сердце.

– Что случилось? – испуганно спросил он.

– Да ерунда, просто обследование. В нашем возрасте надо делать обследование, – легко рассмеялась она.

Он резко встал со стула.

– Не говори ерунды. Просто так ты бы в больницу не пошла. Скажи мне правду, что-то серьезное?

– Говорю тебе, пустяки. Ну, желудок болит, поджелудочная барахлит – обычное дело. Витаминчики поколют, рентген сделают.

– А в поликлинике нельзя? – удивился он.

– Да это все сложнее, а так – все сразу и в одном месте. Удобно. Полежу недельку-другую, – деловито и спокойно продолжала она.

– Недельку-другую? – Он снова закурил и начал ходить по кухне. – Скажи правду! – настаивал он.

Жена вытерла руки и устало опустилась на табуретку.

– Я уже все сказала. Вещи я собрала. Проводишь меня?

Наутро он отвез ее в больницу. Немного успокоился – обычная районная больница, терапевтическое отделение, никаких хирургии, онкологии нет, слава богу. Потом приехал домой. Посмотрел телевизор, полистал газеты, открыл холодильник – там все в кастрюльках и баночках на неделю точно. Она все предусмотрела. Без нее и ее вечных хлопот и звуков квартира казалась нежилой: ни шума воды, ни звяканья посуды, ни урчания пылесоса – всего того, что обычно раздражало и мешало. Он лег на диван и уснул. Вечером пришла с работы Вера. Как всегда, все молчком. Открыла холодильник, греть ничего не стала, взяла холодную котлету, запила молоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.